

Ю.В. Аленькова
г. Могилев

ПРИВАТНОЕ И ПУБЛИЧНОЕ КАК ФЕНОМЕНЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО БЫТИЯ

На протяжении всей истории существования человеческого общества сферы публичного и частного составляли универсум социальных отношений, формировали тот или иной тип общества. Современный цивилизационный кризис во многом связывается с изменением соотношения между этими формами социокультурного бытия и деформацией феномена публичности. Рассмотрение механизма этих деформаций требует анализа содержания понятий "публичное" и "частное".

Первые зафиксированные использования слова "публичное" в английском языке отождествляли его с общим благом. К концу XVII века "публичное" означало открытое для всеобщего рассмотрения в то время как "частное" подразумевало укромную сторону жизни, ограниченную семьей и друзьями. Употребление французского термина *Le public* в эпоху Ренессанса относилось главным образом к общему благу и государству. Постепенно этот термин стал означать также особую функцию общения [3, с. 24].

Рассмотрим понятия частного и публичного в их исторической эволюции.

Как две грани социокультурного бытия эти понятия зародились в античности. Для древнего грека участие в жизни полиса было способом реализации себя в публичном, в то время как жизнь в домохозяйстве, ойкосе, — знаменовала пребывание в частном. При этом необходимо отметить, что понятия публичного в античности не было тождественно социальному. Животным, как отмечает Х.Арендт, тоже присуща социальность, но публичность свойственна лишь человеческим сообществам. Таким образом, публичное — то, что отличает нас от природного мира, сфера культурного бытия. Публичное и частное в античности выступают как соотношение необходимости и свободы. Сфера домохозяйства мир природной необходимости, неравенства, деспотического порядка. Все что допускает принуждение (основанное на законе природной необходимости), есть дополитическое. И, напротив, сфера публичного — полис — сфера свободы. Бытие в полисе требует от человека акта мужества, поднятия над миром природной необходимости. Как сфера свободы оно связано с осуществлением двух культурных актов — действием и речью, реализация свободы в полисе становится возможно благодаря Логосу. Таким образом, уже в античности сфера публичного формируется как пространство дискурсивных практик, как пространство коммуникации.

Важная особенность греческого публичного пространства состояла в том, что в сферу публичного дискурса не включались проблемы экономики. Собственно, сама экономика — это ойкос, домохозяйство. В Новое время то, что было уделом домохозяйства, переходит в публичную сферу. Вопросы ведения хозяйства становятся уделом государства. Выход экономических проблем за рамки ойкоса, произошедший в Новое время, знаменовал собой появление общества. "То, что мы сегодня именуем обществом, есть фамильный коллектив, который экономически понимает себя как гигантскую семью, а его политическая форма образует нацию" [1, с. 39].

Если в греческом полисе публичное и частное соотносились как миры свободы и необходимости, то в Новое время ситуация меняется. Публичная сфера исключает

действие в качестве свободного поступка и превращается в пространство *ролевой игры*, устанавливающего жесткие рационализированные правила. Примером тому может служить классическая драма, с ее законами. Персонажи и маски узнаваемы. Тело — манекен для репрезентации социального статуса (костюм, маркирующий социальную роль его носителя), а речь — знак. Эпоха Просвещения рассматривала публичное как сферу рационального. Публичное поведение требовало отстраненности от самости и включенности в правила рациональной игры. При этом пространство публичного выступало как сфера моральной легитимизации, ибо только в публичном, организованном рационально, возможно действие морального закона. Формируется и своеобразная география публичного. Средоточием публичной жизни становится столица. Столичное пространство и есть сфера рационально организованный космос, в то время как провинция — это хаос, в который должен внести порядок столичный разум. Поэтому реализация себя в публичном требует перемещения из провинции в столицу. Провинциальное бытие рассматривается как бытие ущербное.

В Новое время происходит формирование публики как художественного и политического явления. Разложение сословного общества, формирование общества буржуазного приводило к формированию понятия публики, которая состояла из разных сословий, но была объединена общим предположением о здравом смысле, общем вкусе. Как полагает Б.Марков, важной предпосылкой формирования публики стало исчезновение характерного для средневековья опыта страдания: "Появление публики является очень важной находкой цивилизационного процесса. Оно является ответом на вопросы: что объединяет автономных индивидов, которые уже не связаны опытом страдания, что люди могут противопоставить рынку, где они выступают как конкурирующие производители товаров" [2, с.247]. Появляются новые сферы публичности. Такими становятся парламент и театр.

Соответственно изменяется и интерпретация сферы частного. Если в античности — это мир экономический, сфера домохозяйства, то в Новое время интимное выступает как царство потаенности, внутренней жизни личности.

Частное перестает быть миром природной необходимости. Но исчезновение ойкоса приводит к тому, что человек начинает ощущать себя бездомным. Лишившись своей укорененности в мире домохозяйства, человек тщетно ищет себе новый дом. И теперь единственным местом укрытия становится его внутренний мир. С одной стороны — это мир душевного, но также и то пространство, где реализуются его телесные функции.

В Новое время частное начинает рассматриваться как сфера экзистенциального опыта. Фактически новоевропейское открытие частного было бегством человека в субъективность душевного, бегством от социума, от давления всеобщего. Это бегство началось с сентименталистов и романтиков, красной нитью проходило через всю культуру XIX и начала XX веков. "В этом бунте сердца против собственной социальной экзистенции родился современный индивид с его неизменно переменчивыми настроениями и наклонностями, в радикальной субъективности его чувственной жизни, залпавшейся в бесконечных конфликтных ситуациях, которые все коренятся в двоякой неспособности, чувствовать себя в социуме как дома и жить вне социума" [1, с. 52].

В XIX веке в соотношение публичного и частного меняются. Прежде всего, на это соотношение повлияло развитие капитализма, урбанизация, сформировавшая к XX веку

новое социокультурное пространство – большой город, мегаполис, который выступает как пространство унифицированное, стандартизированное, нивелирующее социальные различия. Анализ современного города как пространства публичного и соотношения публичного и частного в современном обществе дан Р. Сеннетом в книге “Падение публичного человека” [3].

Важнейшей характеристикой мегаполиса, по Сеннету, является мультикультурализм. В большом городе происходит постоянное столкновение больших количеств людей, разных интересов, сосредотачиваются представители разных культур, этносов, социальных классов. Большая плотность населения приводит к тому, что встреча людей друг с другом становится неизбежностью. Именно город, по убеждению Р. Сеннета, становится местом существования публичной культуры капиталистического мира. Публичная сфера является тем миром, в котором может осуществляться коммуникация между различными непохожими друг на друга людьми. Именно благодаря ей возможно существование общества, в котором люди уважают и понимают друг друга. Для того чтобы сфера публичного существовала, необходима *граница между ней и сферой личностного*.

Однако констатируя, что только пространство города в современной культуре есть предпосылка осуществления публичности, Сеннет вместе с тем описывает кризис сферы публичного в современном западном обществе. Этот кризис выражается, главным образом, в возникшем в современной жизни дисбаланс между сферой личного и сферой публичного. Этот дисбаланс связан с произошедшим еще в XIX веке вторжением личности в публичную сферу, попыткой перенести личностные установки в публичное пространство.

Важнейший признак этого кризиса усматривается в том, что люди оценивают политические и социальные события с позиций своих частных личностных интересов. Так, например, не поступки политика, а формы его частной жизни (семейное положение, биография и пр.) становятся решающими при голосовании. “В современной политике, если лидер заявит: не обращайтесь внимания на мою личную жизнь; вам нужно знать только, насколько я хорош как законодатель или администратор и что я собираюсь предпринять на рабочем месте – это будет равнозначно политическому самоубийству” [3, с. 34]. Таким образом, в публичную жизнь внедряется значительная роль психологизма, обеспечивающего своеобразный восторг “доверия” к политику, в то время как само это “доверие” является наложением частных образцов на публичные.

В современном обществе, как полагает Р. Сеннет, стираются границы между частным и публичным. В результате утраты изменяется отношение населения к публичной жизни. Если в эпоху Просвещения публичность была мерилем нравственного бытия, получала этическую легитимизацию, то в XX веке публичная жизнь начинает восприниматься как зло. У жителей города вырабатывается неприязнь и страх по отношению к ней, что в свою очередь приводит к исчезновению политического диалога и закреплению особой значимой роли за политиками и актерами как людьми, выражающими себя на публике и формирующими новое понятие “публичной личности”. Особенность современной публичной личности заключается в том, что ей противопоставлена молчаливая и пассивная толпа наблюдателей, у каждого из которых публичная сфера вызывает тревогу и страх.

В обыденной жизни это стирание границ может принимать форму страха высказывать собственное мнение на людях или выражать себя каким-либо иным способом. Сеннет констатирует “сигналы душевного бедствия”, связанные с новыми условиями публичной культуры: страх перед непреднамеренным “обнажением” характера, взаимоналожение частных и публичных образцов, защитный отказ от чувств и нарастающая смирность” [3, с. 217].

Такое размытие границы между сферой личного и публичного, согласно Сеннету, является пагубным не только для сферы публичного, но и для сферы частного.

Пространство большого города перестает быть пространством публичного и становится *мертвым*, в котором индивид обречен на молчание и одиночество. Это выражается в структуре офисов, площадей и прочих публичных мест, которые делают невозможной коммуникацию между людьми. “Для нас большой город – клишированный символ безличного. На самом же деле именно отсутствие сильной, безличной культуры в современном городе породило стремление к воображаемой открытости и искренности в общении” [3, с. 289].

Вышеописанные факторы, согласно Сеннету, привели к изменению структуры города и окончательной победе в XX веке *общества интимности*.

Формирование такого общества, приводящего к тирании интимности, связано со сложными поисками *идентичности*. Проблема идентичности человека в современном западном обществе рассматривается сегодня преимущественно в терминах личной сексуальности, а познание мира неразрывно связывается с проблемой самопознания. Ее возникновение связано с сформировавшимся в современной культуре комплексом нарциссизма. “Нарциссизм в клиническом смысле отличается от распространенного представления о нем как о любви к собственной красоте; в более строгом смысле, в качестве расстройств личности, он есть поглощенность самим собой, которая не позволяет понять, что принадлежит пространству самого себя, пространству удовлетворения своих желаний, а что ему не принадлежит” [3, с. 15]. Таким образом, человек сосредотачивается на подлинности своих чувств, происходит его бесконечная проекция себя во вне. При этом чем глубже личность входит внутрь себя, тем сложнее ей проецировать свои смутные желания во вне, что затрудняет понимание в процессе коммуникации.

Бесконечные поиски идентичности, проекция своего “Я” на мир порождает новую форму культуры – “рыночный обмен исповедями”. Мир частного втягивается в рыночные отношения, на основе чего возникают новые жанры современной массовой культуры, подобно многочисленным ток-шоу, в которых самость индивида, мир его интимного, становится предметом для публичного рассматривания.

Современное общество, по Сеннету, представляет собой тиранию интимности. Первая форма такой тирании – домашняя клаустрофобия, жизнь в домохозяйстве, заполненная семейными проблемами. Символ такого вида тирании – мадам Бовари. Второй вид тирании интимности – полицейское государство, в котором все поступки человека, его частная жизнь, проходят через сеть государственного надзора. Символ этого рода тирании – Павлик Морозов.

Оба этих вида тирании возникли потому, что был разрушен баланс между частным и публичным, между сферой неличностного, в которую люди могли вкладывать один вид страстей, и сферой персональной, в которую они могли вкладывать другой. В современном мире публичная сфера неличностного смысла и неличностного действия начала чахнуть.

Существуют ли способы преодоления тирании интимности в современной жизни и восстановление баланса публичного и частного. По мнению Сеннета, единственный способ состоит в том, чтобы сделать пространство большого города обитаемым. Город должен привить человеку модель публичного поведения, “стать форумом, где возможно общение и единение с другими людьми без необходимости сближения на личном уровне” [3, с. 394]. Только понимание публичного пространства как сферы коммуникации, сферы дискурсивных практик, может содействовать реанимации феномена публичности как формы социокультурного бытия, сделать возможным диалог, способностью к которому иссякает в современном мире.

Литература

1. *Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни.* – СПб.: Алетейя, 2000
2. *Марков Б. Знаки бытия.* – СПб.: Наука, 2001.
3. *Сеннет Р. Падение публичного человека.* Пер с англ. / Перевод О. Исаева, Е. Рудницкая, Вл. Софронов, К. Чухрукидзе. – М.: Логос, 2002.